

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ XVII В. И ПРОБЛЕМА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ

И.А. Грищенко

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Республика Беларусь

Проблема церковного раскола это не только и не столько проблема внутрицерковного устройства и чина богослужения, сколько проблема путей развития Великороссии. Западники и славянофилы в русской философии сформулировали эту проблему в XIX в., но вызрела она в недрах русского сознания в XVII в. Раскол поставил две задачи: 1) просвещение Руси; 2) определение соотношения духовной и светской власти.

1. К XVII веку Россия активно осваивала восточные земли, и если там она осознавала свою силу, то на западном направлении тарпела поражение. Эти неудачи заставляли пересматривать не только отношения с западными державами, но и менять взгляд на самих себя, по выражению С. Соловьева, «китайский взгляд на собственное превосходство» [3, с. 326]. Без ученичества России было не обойтись. Но учиться у «латинов», у иноверцев было неприемлемо, духовенство выступило резко против. Оставались греки, родные по вере, и более близкая к Европе Малороссия, которая, благодаря борьбе с римским влиянием, раньше почувствовала необходимость просвещения и уже владела средствами школьного образования. Ощущалось также влияние Литвы (Симеон Полоцкий). Будущий раскол вызревал уже тут. Неминуемым было столкновение новых и старых учителей. Русские реформаторы должны были выбирать между западной и греческой ученостью. Творчески сочетать обе эти традиции русские пока не были готовы. Противопологая греков немцам, ученый серб Юрий Крижанич отмечал: «Немцы приносят нам ядовитые новизны – греки, безрассудно осуждая всякую новизну, предлагают свои глупости под важным именем древности. Немцы преподают нам и добрые и вместе дьявольские науки – греки восхваляют невежество и всякую науку считают еретическою» [3, с. 383]. Подозрение вызывала деятельность Симеона Полоцкого, который в своих проповедях отстаивал необходимость образования и критиковал невежество старых учителей, священников: «Многие невежды, не бывшие никогда и нигде учениками, смеют называться учителями... по правде, это не учителя, но мучители. Оттого умножилась в людях злоба, преуспело лукавство, чародейство, разбой, воровство, убийства, пьянство...» [3, с. 373]. При традиционном максимализме национального характера русские не могли спокойно реагировать на подобные выпады, к тому же к резким переменам в области культуры Россия еще не была готова. Верх взяла греческая ученость. Первыми учебными заведениями стали школа при московском Печатном дворе (1681г.) и Славяно-греко-латинская академия, во главе которой встали братья Софроний и Иоаникий Лихуды (1687 г.).

Первые трудности появились в процессе исправления церковных книг. Имевшиеся богословские книги давно не устраивали ревнителей православия. Еще в XVI в. приглашались с Афона монахи-книжники для исправления церковных книг (Максим Грек). Обеспокоенность «настроениями» в церковной жизни возрасла на рубеже 40-50-х гг., что нашло выражение в деятельности кружка ревнителей благочестия (или «боголюбцев»). Кружок вскоре распался на две группы, поскольку не было единства в оценке расхождений в богословской системе и церковно-обрядовой практике, существующих между русской и греческой церквами. Провинциальные ревнители благочестия (протопопы Ив. Неронов, Аввакум Петров, Даниил, Лазарь, Логгин и дьякон Благовещенского собора Кремля Иван Федоров) считали, что греческая церковь утратила истины православной веры, что было следствием завоевания Византии турками и сношений греков с «латинской» римской церковью. Вторую группу составили царь Алексей Михайлович, протопоп Вонифатьев, Ф.М. Ртищев, позже к ним присоединился Никон. Они полагали, что вследствие недоброкачественной переписки, а то и своеволия переписчиков русские книги отошли от греческого канона и требуют серьезного исправления, для чего из Киева были приглашены Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий. В то же время уже будучи патриархом, Никон позаботился об улучшении церковного пения, об уничтожении

чтения на два голоса, исправлении иконописания, упразднения двоеперстия, хождения «посолонь». Но даже греческий вариант ученичества и образованности вызвал резкую критику поборников старины. А вздорный характер самого Никона только усугубил противостояние, которое переросло в ожесточенную борьбу. В российских условиях, да еще в вопросе веры о компромиссе не могло быть и речи. Эта ожесточенность обнаружила невежество и нравственную незрелость русского общества.

2. Вторая проблема, обозначенная церковным расколом, – соотношение духовной и светской власти. В разрешении этой проблемы сошлись подходы противоборствующих сторон – старообрядцев и реформаторов. Раскол идейно был связан с идеологией третьего Рима, с глубокой верой в то, что четвертому Риму не быть, иначе говоря, судьба мира связана с судьбами России. «Для старообрядчества решался не местный, не провинциальный вопрос, а вопрос всей мировой истории» [1, с. 59]. В сознании русского человека светская и духовная власти были слиты воедино. Старообрядцы оставались на той позиции, что силой церковного благочестия можно очистить грешный мир. Этим соображением руководствовался и Никон, оправдывавший свои амбиции тем, что «священство всюду пречестнейшее есть царства» [2, с. 200]. Тезис «цезарепапизма» рассматривал царскую власть как форму церковного служения, а Никон сформулировал его по западному образцу, в чем резко расходился с учением преп. Сергия и Нила Сорского: «Церковь выше государства, но не в плане истории, а в плане мистическом» [1, с. 54]. Если смысл истории за пределами, то сам процесс истории имеет непостижимую тайну. С этим связана обязанность церкви помогать власти ориентироваться в вопросах высшего смысла, что выражено в практике «печалования» – заступничества церкви перед царем. Теократические притязания потерпели крах, но и в лице старообрядчества от православия отходил в сторону соблазн «натурализма», отождествления «природного» исторического порядка... с мистическим порядком Царства Божия, т. е. отходила утопия «святой Руси» [1, с. 59]. В петровскую эпоху идея третьего Рима получила секулярную трактовку, сама церковь прошла испытание обмирщением, но в то же время раскол высвободил творческие силы народа, которые накапливались в течении средних веков и увел в сторону консервативные силы церкви, мешавшие поступательному развитию России.

Список литературы

1. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – М., 1999. – Т. 1.
2. Русское православие: Вехи истории. – М., 1989.
3. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. – М., 1990.